

КОРЁЙСКИЙ ЯЗЫ́К

Авторы: Л. Р. Концевич

КОРЁЙСКИЙ ЯЗЫ́К [чосонмаль, чосоно (до 1945; затем и поныне в КНДР и в Яньбянь-Корейском автономном окр. КНР); хангукмаль, хангуго, а также куго, букв. — национальный язык (в Республике Корея); корёмаль (в РФ и государствах Центр. Азии)], язык [корейцев](#). Офиц. язык КНДР и Республики Корея. Распространён также в кор. диаспоре в 150 странах мира. Общее число носителей К. я. (согласно оценке «Encyclopedia of diasporas», vol. 1—2, 2004) св. 78 млн. чел.; в КНДР 23,5 млн. чел., в Республике Корея ок. 48,5 млн. чел. (2008, по статистич. данным), в Китае (гл. обр. в Яньбянь-Корейском автономном окр.) св. 2,4 млн. чел., в Японии 640 тыс. чел., в США 2,1 млн. чел. (894 тыс. чел. по переписи 2001), в Канаде 133 тыс. чел. (2006, перепись), в странах СНГ ок. 521 тыс. чел. [из них в России, по переписи 2002, К. я. владеют 60 тыс. чел. (из 148,6 тыс. чел. рос. корейцев), в Казахстане 99,6 тыс. чел. (1999, перепись), в Узбекистане ок. 190 тыс. чел.], в Великобритании 31 тыс. чел., в Германии 30 тыс. чел., во Франции 10,2 тыс. чел., на Филиппинах 70 тыс. чел., в Австралии 47 тыс. чел., в Новой Зеландии 20 тыс. чел.

К. я. — [изолированный язык](#), генетич. связи которого устанавливаются лишь гипотетически. Из разл. гипотез его генетич. родства (с япон. яз., [палеоазиатскими языками](#), [дравидийскими языками](#) и др.) наиболее распространена т. н. алтайская (см. [Алтаистика](#), [Алтайские языки](#)), сторонники которой (Е. Д. [Поливанов](#), Г. [Рамстедт](#), С. А. [Старостин](#) и др.), опираясь на фонетич. соответствия, сходство в морфологич. структуре и лексико-этимологич. данные, либо возводят К. я. к тунгусо-маньчжурской ветви, либо определяют его как особую ветвь алт. языков [иногда вместе с япон. яз.; напр., С. Мартин, А. Миллер (оба — США), Старостин], выделившуюся раньше других — ок. 3-го тыс. до н. э. К. я. типологически близок япон. языку.

Различают 6 (и более) диалектов, границы которых определяются географич. рельефом и совпадают со старым делением Кореи на провинции: сев.-восточный (Хамгён, сев. часть Канвондо; включает кор. говоры сев.-вост. Китая), сев.-западный (Пхёнан и сев. часть Хванхэ), центральный (Кёнгидо, Чхунчхон, юж. часть Канвондо и Хванхэ), юго-восточный (Кёнсан), имеющий много общих черт с сев.-восточным, юго-западный (Чолла) и диалект о. Чеджудо, сохраняющий, как и сев. диалекты, ряд архаичных черт. Язык корейцев СНГ восходит к сев.-вост. диалекту. Диал. различия затрагивают гл. обр. лексику и фонетику, в меньшей степени морфологию. Расхождения в диалектах (за исключением диалекта о. Чеджудо) невелики, и носители разных диалектов в общем понимают друг друга. С 1970—80-х гг. происходит нивелирование диалектов.

От архаич. периода (до 5 в. н. э.) сохранились лишь фрагментарные записи о близкородственных племенных языках на Корейском п-ове. В 1 в. до н. э. — 7 в. н. э. языки сев. племён йе и пуё, существовавших на территории Древнего Чосон (см. [Кочосон](#)) соответственно с 8 в. до н. э. и с 5 в. до н. э., развились в яз. когурё, юж. языки племенных союзов «трёх Хан» (Самхан) — махан в язык пэкче, чинхан — в силла и пёнхан — в кая (карак). В 7—10 вв. н. э. древние языки интегрировались в общий язык народности силла; с перенесением в 10 в. столицы в Сондо (ныне Кэсон), а в 14 в. — в Хансон (ныне Сеул) возросла роль центр. диалекта, лёгшего в основу К. я. В истории К. я. выделяют 4 периода: древнекорейский яз. (до 10 в.), среднекорейский яз. (кон. 10—16 вв.),

новокорейский яз. (17 – кон. 19 вв.) и совр. К. яз. (с кон. 19 в.).

В лит. К. яз. обычно выделяют 40 фонем: 19 согласных – взрывные p, p', p², t, t', t², k, k', k², аффрикаты tʃ, tʃ', tʃ², щелевые s, s², h, сонорные носовые m, n, ŋ, позиционно «двуликая» l/r (реализуемая как боковой сонант l в конце слога и перед согласными и как альвеолярный одноударный r[r] в позиции между гласными и после h), 21 гласную – 10 монофтонгов (передние i, y, e, ø, ε, средние ʊ, ʌ/ɔ, a, задние u, o), 10 восходящих дифтонгов с неслоговыми j [ɿ] и w [ʷ] (ja, jʌ/ɔ, jo, je, jε; wa, wɔ, we, wε) и исчезающий («парящий») дифтонг wi, произносимый часто как [i] и [e]. Особенности консонантизма: деление начально-слоговых взрывных и аффрикат на 3 ряда (слабые глухие, глухие придыхательные и усиленные глухие, или интенсивные, сопровождаемые напряжением органов артикуляции, напоминающим гортанную смычку; последние также называют геминированными, т. е. двойными, в связи с особенностями их написания); озвончение слабых глухих взрывных и аффрикат между гласными и после сонорных; нейтрализация взрывных и щелевых в имплозивные в конце слова и перед глухими и в связи с этим огранич. употребление согласных в конце слога, хотя на письме они обозначаются более чем 20 буквами и буквосочетаниями; невозможность стечения трёх и более согласных и отсутствие r в начале слова (в орфоэпии КНДР r в этой позиции употребляется с 1966); развитие палатализации губных и задненёбных согласных; произнесение в Юж. Корее щелевого s перед i и дифтонгами с неслоговым j как альвеопалатального ʃ; разного рода регулярные ассимиляции согласных на стыке слогов и слов. Вокализм отличается полнотой и симметричностью (с остатками сингармонизма), сильным приступом начальных гласных, стяжением и сокращением их в середине слова. Монофтонги y и ø в ряде диалектов звучат как дифтонги wi и we, к которым они восходят. Долгота гласных фонематична факультативно и связана с высотой тона (среднекорейский яз., по-видимому, был тональным). В толковых словарях в ханмунной лексике обозначается «этимологическая» долгота. Структура слога «гласный», «согласный+гласный», «гласный+согласный (+согласный)», «согласный+гласный+согласный (+согласный)». Словесное ударение в одних диалектах (напр., в юго-восточном) музыкально-квантитативное, в других – динамическое разноместное. К. яз. отличается богатством интонационных групп.

К. яз. – агглютинативный язык (имеется тенденция к усилению флективности и анализма) номинативного строя. Относится к числу немногих языков с весьма развитой и сложной морфологич. структурой слова, для которых характерно обилие самых разнообразных грамматич. форм. В морфологич. структуре слова могут присутствовать корень, основа, аффиксы (префиксы только словообразовательные, суффиксы также и словоизменительные), соединит. морфема и флексии (в предикативах). Выделяют 8 (и более) частей речи, часть которых традиционно объединяют в 2 макрокласса – имён и предикативов. У имён (существительные, местоимения, числительные) отсутствует категория грамматич. рода. Одушевлённости-неодушевлённости категория перекрещивается с категорией лица-нелица. Противоположение единичности и множественности несущественно (мн. ч. передаётся спец. аффиксом -tʃ или – реже – удвоением основы); в имени отражено единство целого и части. Склонение включает 9 простых падежей (основной, не имеющий показателя и совпадающий с основой или корнем слова; именительный, родительный, винительный, дательный, местный, творительный, совместный, звательный) и множество т. н. составных (2–3 показателя) с разнообразными семантич. функциями. Ряд падежей имеет 2 варианта показателей в зависимости от конечных звуков имени (напр., именительный, винительный, творительный и совместный падежи), а также стилистич. варианты, своего рода дублёры (напр., дат. и местный падежи имеют 2 формы для одуш. и неодуш. имён). Существуют также

модификаторы – аффиксы, которые могут быть в составе разных членов предложения. Напр., модификатор -пшп/-шп (очень употребительный и присоединяемый к имени) оформляет тематич. подлежащее (топик). Его раньше даже считали показателем абсолютного (выделительного) падежа. В разг. языке некоторые падежные показатели опускаются, что компенсируется строгим порядком слов. Личные местоимения развиты слабо; функции личных местоимений 3-го лица выполняют указат. местоимения, которые, кроме того, различаются по степени удалённости от говорящего. Существуют также вопросительно-неопределённые, отрицательные и возвратные местоимения, но относит. местоимений нет. Количественные числительные имеют 2 ряда: от 1 до 99 – собственно корейские, образуемые сложением основ, и параллельно им китайские (от 100 и далее – только китайские). Порядковые числительные образуются от количественных посредством суффиксов. Самый развитый и сложный грамматич. класс слов в К. я. – предикативы, включающие глаголы, предикативные прилагательные и связки, в парадигмах которых есть свои особенности. Глаголы являются ядром грамматич. системы и морфологич. строя К. я. Синтаксич. характер форм, образование стяжённых форм (контрактур; особенно у предикативов) и сдвиги в их значениях, развитие аналитич. конструкций и т. д. находят выражение гл. обр. в системе глагола. Различают срединные (атрибутивные и деепричастные) и конечные грамматич. формы предикативов. В К. я. развитая система времён: в неё входят неск. настоящих, прошедших и будущих времён в разных наклонениях (изъявительном, достоверном и потенциальном). Категория лица в совр. К. я. грамматически почти не выражена. Для предикативов характерна категория личного отношения (т. н. формы вежливости). Система этих форм (т. н. гонорифическая), весьма развитая в К. я., как и в японском, – средство выражения речевого этикета. Спряжения предикативов по лицам и числам нет. Категория залога (действительный, страдательный, побудительный и средний) свойственна не всем глаголам. Есть неск. видовых форм – длительный, предельный, желательный, многократный, завершённый виды. Видовые и модальные значения передаются аналитич. формами. Позиционные формы предикативов (более 50 спрягаемых и неспрягаемых деепричастий, причастия, 3 склоняемых инфинитива) используются как средство синтаксич. связи между предложениями, компенсируя бедность союзов. Отд. части речи, не включаемые в макроклассы, составляют наречия, изобразительные слова (дескриптивы) и междометия. Неизменяемые застывшие формы прилагательных иногда выделяют в особую часть речи – атрибутивы, которые в отличие от префиксов универсальны и могут свободно сочетаться с именами. В передаче грамматич. значений велика роль служебных слов [отымённых и отглагольных послелогов, счётных слов (см. Классификаторы), союзов и союзных слов, вспомогат. и служебных глаголов и прилагательных, модальных имён и частиц и др.].

Порядок слов «субъект+объект+предикат». Организующую роль в предложении играет сказуемое (С), которое необязательно соотносится с подлежащим (может опускаться). Подлежащее (П) всегда предшествует сказуемому. Зависимые члены [определение, дополнение (Д), уточнение (У), изъяснение] грамматически связаны с одним из членов предложения. Определение стоит перед определяемым; сказуемое, выраженное предикативом, – всегда в конце предложения. Каждый член предложения может быть простым, составным (не менее двух конструктивных элементов) и сложным (когда в него входит синтаксич. группа). Различают 8 типичных схем предложения: 4 схемы с подлежащим (П, П+С, П+Д+С, П+Д+У+С) и 4 схемы без подлежащего (С, Д+С, У+С, Д+У+С). Для др.-кор. языка было типично именное предложение, в совр. К. я. оно обрело предикативный характер. Зависимый член предложения всегда предшествует главному. По цели высказывания предложения делятся на повествовательные, вопросительные, повелительные, побудительные и восклицательные. По характеру семантико-синтаксического содержания различаются предложения

утвердительные и отрицательные. По синтаксич. строению предложения бывают: простые и сложные; односоставные и двусоставные; нераспространённые и распространённые; неполные и полные. Развита аналитич. конструкция и сложные периоды.

В лексике неск. слоёв: исконно кор. слова, в т. ч. богатая ониматопея (см. Звукоподражание); ханмунные, или заимствованные из кит. яз., слова разл. типов, которые до недавнего времени составляли 70% всей лексики (с 20 в. также заимствуются единицы, составленные из кит. лексич. элементов по япон. модели); заимствования из разных (прежде всего из англ., рус.) языков; есть также немного старых заимствований из санскрита, монгольского, чжурчжэньского языка и маньчжурского языка. Каждый лексич. слой обладает своими особенностями звукового состава, структуры слога, типов морфем, способов и средств словообразования. В корпус совр. толковых словарей К. я. принято включать не только слова, но и грамматич. форманты – словообразующие и формообразующие элементы, которые гораздо самостоятельнее, чем в др. языках.

До 1894 письм. лит. языком был в осн. ханмун. С изобретением в 1444 фонетич. письма расширились возможности для развития лит. К. я. Совр. лит. язык был кодифицирован лишь в 1933 как «стандартный язык» (пхёджунмаль) с опорным сеульским говором центр. диалекта. Из-за разделения Кореи на 2 государства после 1945 единый процесс нормирования лит. К. я. оказался нарушенным, развиваются по существу 2 его разновидности. В 1966 в КНДР вместо «стандартного языка», сохранившегося в Республике Корея, введён статус «культурного языка» (мунхвао). Нормой его считается пхеньянский говор. Различия касаются в осн. фонетики и орфографии, словоупотребления (в языке КНДР искусственно создана масса пуризмов на основе исконно кор. корней взамен ханмунных слов; в последние годы сходная тенденция наблюдается и в Республике Корея, в язык которой проникло много англоамериканизмов), некоторых стилей письм. речи; существенны расхождения в терминологич. системах. Об орфографич. норме К. я. см. в ст. Корейское письмо.

Кор. эпиграфич. памятники на ханмуне датируются нач. 5 в. Ранние тексты, записанные кит. иероглифами способом йду, сохранились с 9 в. Первые тексты, написанные кор. алфавитом, относятся к сер. 15 в.

Литература

Лит.: Ogura Shimpei. The outline of the Korean dialects. Tokyo, 1940; Чхве Хёнбэ. Наша грамматика. Кёнсон (Сеул), 1941 (на кор. яз.); Ramstedt G. J. Studies in Korean etymology. Hels., 1949–1953. Pt. 1–2; Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954; Junker H. F. J. Koreanische Studien. В., 1955; Ким Бёндже. Очерки по диалектологии корейского языка. Пхеньян, 1959–1975. Т. 1–3 (на кор. яз.); Мазур Ю. Н. Корейский язык. М., 1960; он же. Корейский язык // Языки Азии и Африки. М., 1993. Т. 5; он же. Грамматика корейского языка. (Морфология. Словообразование). Теоретический курс / Изд. подгот. Л. Р. Концевич и Мун Хесук. 2-е изд. М., 2004; Грамматика корейского языка. Пхеньян, 1960–1961. Т. 1–2 (на кор. яз.); Ли Суннён. Грамматика среднекорейского языка. Сеул, 1961 (на кор. яз.); Никольский Л. Б. Служебные слова в корейском языке. М., 1962; Огура Симпэй, Коно Рокуро. История корейского языкознания. Токио, 1965 (на япон. яз.); Хон Гимун. Историческая грамматика корейского языка. Пхеньян, 1966 (на кор. яз.); Ким Минсу. Новая история корейского языкознания. Сеул, 1974 (на кор. яз.); он же. Политика в области корейского языка. Сеул, 1984 (на кор. яз.); Ким Сахва. Корейский и японский языки. Токио, 1974 (на япон. яз.); Ли Гимун. История корейского языка. Сеул, 1974 (на кор. яз.); Большая серия грамматик корейского языка в исторической последовательности. Сеул, 1977–1986. Кн. 1–102 (на кор. яз.); Ramsey S. R. Accent and morphology in Korean dialects. Seoul, 1978; Хо Ун. Фонология корейского языка. Сеул,

1984 (на кор. яз.); Ким Банхан. Генетические связи корейского языка. Сеул, 1984 (на кор. яз.); Теоретическая грамматика корейского языка. Пхеньян, 1985–1988. Т. 1–4 (на кор. яз.); Нам Гисим, Ко Ёнгын. Теоретическая грамматика корейского литературного языка. Сеул, 1986 (на кор. яз.); Hansol H. B. L. Korean grammar. N. Y., 1989; Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991; История изучения корейского языка в Северной Корее. 1945–90 / Сост. Ким Минсу. Сеул, 1991. Т. 1–4 (на кор. яз.); Столетняя история корейского языкознания / Сост. Ко Ёнгын и др. Сеул, 1992. Т. 1–4 (на кор. яз.); Lukoff F. An introductory course in Korean. 2nd ed. Seoul, 1993. Vol. 1–3; Хо Ун. Морфология корейского языка 20 в. Сеул, 1995 (на кор. яз.); Ан Бёнхи, Ли Гванхо. Теория грамматики среднекорейского языка. Сеул, 1997 (на кор. яз.); Whitman J. B. The phonological basis for the comparison of Japanese and Korean. [Ann Arbor], 2001; Yeon J. Korean grammatical constructions: their form and meaning. L., 2003; Pucek V. Gramatika korejského jazyka. Praha, 2005; Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван. Корейский язык: история и современное состояние. М., 2005; Ли Иксоп. Грамматика корейского языка. Сеул, 2008 (на кор. яз.); Концевич Л. Р. Библиографический указатель работ по корейскому языкознанию // Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.; Л., 1958; он же. Избр. библиография литературы по Корее на русском и западноевропейских языках. М., 2008.

Словари: Большой словарь корейского языка. Сеул, 1947–1956. Т. 1–6 (на кор. яз.); Холодович А. А. Корейско-русский словарь. 2-е изд. М., 1958; Словарь корейского языка. Пхеньян, 1960–1962. Т. 1–6 (на кор. яз.); Чхве Хаккын. Словарь корейских диалектов. Сеул, 1974 (на кор. яз.); Ю Чхандон. Словарь языка периода династии Ли. Сеул, 1974 (на кор. яз.); Большой корейско-русский словарь / Под ред. Л. Б. Никольского и Цой Ден Ху. М., 1976. Т. 1–2; Ли Хисын. Большой словарь корейского языка. Сеул, 1982 (на кор. яз.); Большой словарь корейского языка. Пхеньян, 1992 (на кор. яз.); Большой словарь нашего языка / Сост. Общество корейского языка. Сеул, 1992. Т. 1–4 (на кор. яз.); Новый словарь корейского языка издательства Тонъя / Под ред. Ли Гимуна. Сеул, 1993 (на кор. яз.); Мазур Ю. Н., Никольский Л. Б. Русско-корейский словарь. 2-е изд. М., 1998; Пэк Понджа. Грамматический словарь корейского языка как иностранного. Сеул, 2000 (на кор. яз.); Большой словарь стандартного корейского языка. Сеул, 2001. Т. 1–3 (на кор. яз.); Ли Хёнбок. Орфоэпический словарь корейского языка: Произношение, ударение и ритм. Сеул, 2003 (на кор. яз.); Etymological dictionary of the Altaic languages / Comp. by S. Starostin [a. o.]. Leiden a. o., 2003. Vol. 1–3.